

Патрикеевна была уверена, что в доме, кроме неё, живут только Мама, Папа и Гоша. Всё. А кто ещё нужен-то? Иногда приходили гости — громко разговаривали, гоготали. Патрикеевна знала, что нужно это время просто пережить. Желательно сидя под кроватью в большой спальне, потому что туда чужаки не лазили. А не успеешь спрятаться — терпи, когда схватят и станут насильно держать на коленях да гладить-трепать шерсть туда-сюда. Потом гости уходили, и жизнь опять шла своим славным чередом.

Патрикеевна была не какая-то глупышка: её взяли из приюта, а уж там приходилось быстро соображать, что к чему. Да и Патрикеевной её прозвали не просто так. В документах она вовсе даже значилась как Молли. Но когда Молли на второй же день стащила с кухонного стола кусок ветчины, Мама стала её отчитывать:

— Нельзя! Нельзя, ты понимаешь? Мне не жалко, но тебе это вредно, у тебя заболит живот. У тебя есть корм! Ты меня поняла?

Молли быстро всё обдумала, коротко мяукнула и пошла тереться о ноги — просить прощения. И мурчалку на всю завела.

— Знаешь, что виновата? Ой, подли-иза, ой, Лиса Патрикеевна! — засмеялась Мама.

Патрикеевна — так и прижилось. А что, хорошее имя, с характером. Патрикеевна знала весь дом: где чем пахнет, как куда влезть или допрыгнуть. Допрыгнуть,

правда, удавалось не всегда, всё-таки она была ещё маленькая, всего семь месяцев. Но Патрикеевна тренировалась без устали, в её планах было полное освоение доступного пространства! Например, в большой комнате стоял высокий узкий шкаф, а рядом не было вообще ничего, откуда можно было бы перебраться наверх. Патрикеевна садилась на ковер, задирала голову и размышляла, что же там может быть. Как будто виднелась прозрачная коробочка... «Вот вырасту, обязательно проверю...» — мечтала она.

Патрикеевна росла, люди спокойно жили рядом. Они уходили, возвращались, приносили еду, гладили по спинке и между ушами. Гоша брал её в кровать, хоть Мама и ругалась, а ещё показывал в телефоне птичек и рыбок. Патрикеевна ела, спала, играла, мурчала, люди радовались. Все были дома. И всё было как надо.

А потом вдруг началась какая-то неприятная суета.

Люди стали говорить такие слова: «перед отъездом», «билеты», «багаж». Патрикеевна думала, что это надо просто пережить, как гостей: поговорят, побегают и успокоятся. Но люди не успокаивались, они стаскивали в большую комнату разные вещи и складывали их стопками и кучками. На Патрикеевну не обращали внимания. Она дважды стянула на кухне еду — никто и слова не сказал. Это обеспокоило Патрикеевну больше, чем если бы отругали. Она стала сама лезть на колени, что раньше считала проявлением излишней нежности. Люди и тут вели себя странно: Папа вздыхал, Мама принималась слишком уж ласкаться, а Гоша грустным голосом говорил, что будет скучать. Всё было не так, и Патрикеевна ждала, когда же будет как раньше.

Но «как раньше» уже не становилось, а потом пришёл совсем уж странный день. Люди начали вести себя как чужие: расхаживали всюду в ботинках, таска-

ли коробки и говорили громкими голосами. Патрикеевна всё-таки понадеялась отсидеться под кроватью, но её вытащили и посадили в переноску. С переноской были связаны отвратительные воспоминания о клинике, поэтому Патрикеевна сначала стала шипеть, а потом жалобно запросилась на волю.

— Потерпи, сейчас приедем к Бабушке... — утешал Гоша, пытаясь гладить Патрикеевну сквозь прорези в крышке.

Бабушку Патрикеевна знала. Это было что-то среднее между гостями и своими: у неё был чужой запах, но она никогда не пыталась хватать и тискать. Трудно было сказать, хорошо с ней или нет.

Ехали в машине. Потом занесли куда-то переноску, поставили на пол и открыли.

— Патрикеевна... Выходи, моя хорошая, — грустно сказал Гоша.

Патрикеевна вышла и стала осторожно осматриваться. Запах был чужой, и вещи тоже чужие: стол, диван, ножки стульев. Мама, Папа и Гоша по очереди

Кто кого может съесть? Патрикеевна ничего не поняла, но на всякий случай решила как следует следить за Салливаном — очень уж он казался хрупким и беззащитным, а кто знает, чего можно ждать от Бабушки!

А потом случилось нечто неожиданное. Приехал Папа и забрал обоих: и Патрикеевну, и Сэла. Прощаясь, Бабушка ласково гладила Патрикеевну и просила не обижаться. Та великодушно муркнула и ткнулась лбом в ладонь: ладно, чего уж тут.

Ехать пришлось очень, очень долго. И в конце концов они оказались в каком-то совершенно другом месте. Патрикеевна смотрела сквозь щёлочки переноски и думала, что вряд ли нашла бы сюда дорогу — слишком уж далеко.

Город был другого оттенка, и дом другой, и запах не совсем такой же, и многие вещи не те. Но главное, что Мама была та же, и Гоша тот же, и Папа — со всеми вместе. Патрикеевну обнимали и целовали в голову и шейку. А Салливану гладили брюшко,

называли мистером и говорили, какой он красавец. Но Патрикеевне не было обидно. Да и насчёт красоты своего друга она сильно сомневалась, хотя вслух, конечно, ни за что бы этого не сказала.

А террариум снова поставили на высокий шкаф. Патрикеевна не могла туда допрыгнуть, но она знала, что Сэл там, внутри. Значит, все дома. И значит, всё в порядке.